

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Учитель Лазазейской земской школы Павел Славолубов очень любил читать вслух рассказы Антона Чехова. Читал Славолубов недурно, живо изображая и дьячка Воинигласова из «Хирургии» и горбатого плотника Любима из «Налма».

Слушая Славолубова, мы, молодые учителя, звонко смеялись, но почти сейчас же вслед за раскатами смеха замолкали, ибо сквозь смех мы уже разглядывали все убожество серой, затхлой жизни российской провинции.

Однажды Славолубов прибрел ко мне из своих Лазазей и, еще не раздеваясь и не успев отряхнуть с ног густо насаженный на валенки снег, спросил меня:

— Читал ли ты что-нибудь из сочинений Максима Горького?

И, не дожидаясь ответа, он достал из-за борта пальто книжку и тут же начал читать:

«Море смеялось. Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок...»

Это было совершенно ново для меня. Я весь превратился во внимание и совершенно не замечал, что мой товарищ все еще продолжал стоять: он так и не разделся. А когда, не прерывая чтения ни на одну минуту, Павел закончил его словами:

«Волны звучали, солнце смеялось», — я не сказал ни одного слова, а только протянул к Славолубову обе руки, чтобы взять у него книгу.

Но я сам был там, с героями Максима Горького и видел перед собой и смеющееся море и узкую, длинную косу, походившую на огромную башню, унававшую с берега в море».

Я видел старую Изергиль... Это она рассказала мне сказку о могучем племени людей: «они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками».

Я не читал, а жадно глотал страницы... «Макар Чудра»... «Песнь о соколе». «Песнь о буреветнике».

Вскоре я получил от Славолубова еще несколько произведений Максима Горького. И чем больше я читал его, тем сильнее и сильнее очаровывал он свежестью своего языка, естественностью своих героев. И я стал узнавать все, что мог, об этом, ставшем для всей трудовой молодежи властителем дум и сердец писателе. Обаяние его было так велико, что слава молодого писателя возносилась быстро, как ракета.

И вдруг я узнаю, что Максим Горький, другой писатель—Скиталец (Петров) и Яков Свердлов посажены царским правительством в Нижегородский острог, что Максим Горький заключен в самую страшную—северную башню острога и что у него сильно болит грудь. А потом, некоторое время спустя, доктор Дальне-Константиновской больницы В. Б. Лесовой сообщил мне, что завтра, через станцию Суроватиха, писатель проедет в г. Арзамас, куда его сослало правительство Николая второго.

Он ушел, а я стал читать... Читал и снова перечитывал прекрасные слова книги, со страниц которой на меня веяло свежим, бодрящим ароматом. Слова

На другой день, задолго еще до прихода нижегородского поезда, я уже был на станции. Мне сразу же бросилось в глаза необычное для глухой станции оживление и скопление публики в зале, где помещался буфет. Тучный становой пристав Шигельский, в окружении нескольких урядников, стоял у входа на станцию. Несколько жандармов прохаживалось по перрону. Компания переодетых в штатское платье чинов охраны за отдельным столиком распивала коньяк. Но вот подошел поезд. Высокий человек показался на площадке одного из вагонов. По имени у меня портрету, я узнал в этом высоком человеке в длинном драповом пальто и черной фетровой шляпе Алексея Максимовича...

— Поезд стоит пять минут!—прокричал обер-кондуктор, направляясь вприпрыжку в здание станции.

Первый звонок... Я быстро подошел к вагону, на площадке которого стоял писатель. Сильно взволнованный, стал что-то говорить, но чувствовал, что говорю не то, что хотел сказать. Но вот я увидел, что Алексей Максимович утвердительно кивнул мне головой. В это время толстый пристав Шигельский напер на меня своей тушей.

— Здесь просят не останавливаться! Проходите! — каким-то злобным, визжащим голосом заорал пристав.

Прозвенел второй звонок. Третий. Поезд ушел, станция опустела. Но какой радостью преисполнились наши сердца, когда, спустя некоторое время, наша Дальне-Константиновская школа получила большую посылку: целый тюк книг в подарок от Алексея Максимовича. Эти книги послужили основным вкладом для создания районной учительской библиотеки.

Н. НАРДОВ.